

Ох, и жаркий же нынче выдался летний денек в Исландии! Надо же, такой погоды не было уже сто лет. Для исландцев, привычных к морозам, это стало настоящей пыткой. Школьники целыми днями пропадают, купаясь в ледяном море, там, где можно было хоть немного охладиться, люди сидят в домах с кондиционерами, а невезучие: работники, продавцы — все, обливаясь потом, стараются делать хоть что-то.

Тем временем, по Рейкьявику, то и дело промакивая рукавом старинного, засаленного (никак не доходят руки постирать) пиджака пот со лба, быстро перебирал ногами молодой паренек. На веснушчатом носу подпрыгивали старые, заклеенные скотчем круглые очки, а каштановые волосы смешно топорщились в разные стороны. В кулаке у него были зажаты бумажки достаточно большого достоинства. Мало кто сейчас признал бы в этом юнце, почти мальчишке, знаменитого историка-антиквара. Антиквара, чья находка — рыцарский кодекс «Энхридион» — прогремела на весь мир.

Впрочем, Саймон Петриков вовсе не обрадовался бы тому случайному прохожему, который смог бы узнать его. Петриков сейчас вообще не был расположен к разговорам: его мысли сейчас занимало нечто совершенно другое. Музей, который принял его находку, заплатил достаточно дорого, и теперь Саймон смог, наконец, сделать то, о чем он мечтал уже давно. Он наконец-то смог побывать в Исландии.

Исландия всё время манила антиквара, как манит ребенка особо вкусная конфета. Исландия манила его своей атмосферой, неповторимой и колоритной: тихие, узкие улочки, кричащие торговцы на площадях... И артефакты. Множество, множество древних, прекрасных коллекций старинных вещей. Петриков буквально жил артефактами, для него это было всем. Ему нравилось рыться в старинных вещах, нравилось вдыхать запах пыли и приятно морщиться.

В Исландию Саймон поехал, лелея надежду вновь найти какие-нибудь прекрасные артефакты. Он давно приметил огромную, массивную корону, одиноко стоявшую в антикварной лавке. Среди местных ходили слухи о том, что корона проклята, но Петрикова, по-видимому, это даже забавляло: за всю свою жизнь он выслушал немало таких историй, причем, по мнению продавцов, проклята была каждая вторая вещь на прилавках. В общем, правдоподобности легенде о короне недоставало, а ведь он слышал легенды куда лучше.

Перебросившись парой крылатых фраз с хозяином лавки, парень, всё ещё сжимая деньги в кулаке, принялся рассматривать экспонаты и товары. С хозяином, кстати, Саймон был на короткой ноге: чудак говорил лишь на латыни, ну, а кто так прекрасно не знает латынь, как не историк-антиквар? Саймон все ближе приближался к прекрасной короне. Она манила его, словно говоря: «Купи меня, Саймон, ты не можешь без меня!».

— Будет прекрасный подарок Бет, — подумал Саймон и невольно улыбнулся. Бетти, прекрасное, неземное создание, его принцесса... Дождется ли она его? Стерпит ли постоянные командировки? А корона, наверное, будет ей к лицу, ведь она просто прекрасна! Надо будет дать ей поносить. — Так что насчет короны, Олаф? — обратился он к старику-хозяину.

— А то ты не знаешь, Шаймон, — усмехнулся Олаф. Имя Саймона он выговаривал именно так, с шипящим присвистом. — Уже шестой день подряд ты заходишь в мою лавку и спрашиваешь

насчет этой треклятой короны, будь она неладна, и вот уже шестой день подряд я отговариваю тебя ее купить. Это очень дрянная вещь, Шаймон, вот что я тебе скажу. Дрянная и очень опасная.

— Олаф, ну что же вы, в самом деле, современный ведь человек, — мягко сказал Петриков. — За всю свою жизнь я сталкивался с огромным количеством таких проклятий, и почти все они оказывались мнимыми.

— Ничего-то ты не понимаешь, хоть и историк. Юный еще, — беззлобно ответил Олаф. — Знаем мы вас, англичан. Тащат все, что плохо лежит, а о последствиях не думаете совсем (иммигрант Петриков напряженно сглотнул). Думаешь, про проклятия-то дедки старые придумали, чтобы деток малых припугнуть? Э, нет, проклятия реальны, просто дельцы-удальцы, будь они неладны, слишком уж этим хорошо воспользовались. Видят простачка — и начинают про проклятия парить, дабы продать побыстрее. Вот и довели, ты, вот, к примеру, уже не веришь. Мне продали эту корону археологи, которые откопали ее в гробнице викинга Ульриха III. Уже было странно то, что Ульрих после смерти пожелал похоронить его в гробнице, а ведь это противоречит традициям викингов, пусть даже и знатных. Как известно, всех викингов, знатных и незнатных, бедных и богатых, молодых и старых, хоронили в море, поджигая домовину.

— Но...

— Не перебивай меня, черт возьми! — старого знакомого уже было не остановить. — Викинги ревностно блюли традиции, и семью того, кто решил бы, скажем, похоронить себя в земле, просто бы загрызли. А то, что на поругание традиций Ульрихом никто не обратил внимания, говорит о многом. Ульриха боялись его соплеменники и современники, от Ульриха, презрев все законы и спасая свою жизнь, сбежала жена вместе с четырьмя детьми. В скандинавских легендах множество места отведено некому Ледяному волшебнику, который летал с помощью своей бороды, извлекал из рук снег и лед, а в гневе был страшен. Кстати говоря, по мумии Ульриха было видно, что он явно умер не своей смертью, более того, король викингов повесился. Шаймон, эта корона свела с ума короля викингов, будь он неладен, ты хочешь последовать за ним?

— Олаф, — спокойно проговорил антиквар. — Мне нужна эта корона. Я не тупой и не буду ходить с этой короной по улице, нет. Конечно, она вряд ли извергает магию льда, но, тем не менее, носить я её не буду. Я отдам ее в музей скандинавских артефактов, где ей самое место.

— Шаймон...

— Олаф, я антиквар, это моя профессия, — голос Саймона был тверд, как никогда. Олаф с озабоченностью посмотрел на юношу: его желание обладать короной напрягало старика. Ведь Саймон вовсе не был похож на этих предприимчивых дельцов, мечтающих нажиться на старике Олафе, выгодно перепродавая все те вещи, которые он сам разыскивал по всему острову. Саймон был совсем другим. Олаф ещё не видел такого человека, который собирал бы старье просто так, для музея. Было в этом сопливом юнце нечто древнее, бескорыстное, что делало его выше других. Старик не удивился бы, если Саймон внезапно оказался бы

избранным, как паренек из Матрицы, любимого фильма его внучки.

— Ты выиграл, Шаймон, — вымученно улыбнулся Олаф, стараясь не показывать волнения и необъяснимой тревоги. Он вышел из-за стойки, подставил лестницу к витрине и, побряхтывая от натуги (эх, старые кости, очень старые), забрался наверх и достал корону. – С тебя полторашка.

Саймон аккуратно расплатился, вытерев вспотевшие пальцы о штаны, принял корону и, попрощавшись со стариком, зашагал по улице. Корона, которую ему было некуда убрать (юноша не подумал взять с собой рюкзак), приятно холодила руки. Олаф вышел из лавки и долго смотрел ему вслед.

<http://tl.rulate.ru/book/29997/640006>